

А. Д. УЛЫБИШЕВ

Сон

Из всех видов суеверия мне кажется наиболее простительным то, которое берется толковать сны. В них, действительно, есть что-то мистическое, что заставляет нас признать в их фантастических видениях предостережение неба или прообразы нашего будущего. Лишь только тщеславный предастся сну, долго бежавшему его очей, как он уже видит себя украшенным орденом, который и был причиной его бессонницы, и убеждает себя, проснувшись, что праздник Пасхи или же новый год принесут с собой исполнение его сна. Несчастный любовник наслаждается во сне предметом своих долгих вождедений, и почти угасшая надежда вновь оживает в его сердце. Блаженная способность питаться иллюзиями! ты — противовес реальных несчастий, которыми постоянно окружена наша жизнь; но твои очарования вскармливают не одни только эгоистические страсти. Патриот, друг разума, и в особенности филантроп имеют также свои мечтания, которые иногда воплощаются в их снах и доставляют им минуты воображаемого счастья, в тысячу раз превосходящего все то, что может им предоставить печальная действительность. Таков был мой сон в прошлую ночь; он настолько согласуется с желаниями и мечтами моих сотоварищей по «Зеленой лампе», что я не могу не поделиться им с ними.

Мне казалось, что я среди Петербургских улиц, но все до того изменилось, что мне было трудно узнать их. На каждом шагу новые общественные здания привлекали мои взоры, а старые, казалось, были использованы в целях, до странности не похожих на их первоначальное назначение. На фасаде Михайловского замка я прочел большими золотыми буквами: «Дворец

Государственного Собрания». Общественные школы, академии, библиотеки всех видов занимали место бесчисленных казарм, которыми был переполнен город. Проходя перед Аничкиным Дворцом, я увидал сквозь большие стеклянные окна массу прекрасных памятников из мрамора и бронзы. Мне сообщили, что это Русский Пантеон, т. е. Собрание статуй и бюстов людей, прославившихся своими талантами или заслугами перед отечеством. Я тщетно искал изображений теперешнего владельца этого дворца¹. Очутившись на Невском Проспекте, я кинул взоры вдаль по прямой линии, и вместо монастыря, которым он заканчивается, я увидал триумфальную арку, как бы воздвигнутую на развалинах фанатизма. Внезапно мой слух был поражен рядом звуков, гармония и неизвестная сила которых казались соединением органа, гармоники и духового инструмента — серпента. Вскоре я увидел бесчисленное множество народа, стекающегося к месту, откуда эти звуки исходили; я присоединился к толпе и оказался через некоторое время перед ротондой, размеры и великолепие которой превосходили не только все наши современные здания, но и огромные памятники Римского величия, от которых мы видим одни лишь осколки. Бронзовые двери необычайной величины открывались, чтобы принять толпу; я вошел с другими.

Благородная простота внутри соответствовала величю снаружи. Внутренность купола, поддержанного тройным рядом колонн, представляла небосвод с его созвездиями. В середине залы возвышался белый мраморный алтарь, на котором горел неугасимый огонь. Глубокое молчание, царившее в собрании, сосредоточенность на всех лицах заставили меня предположить, что я нахожусь в храме, — но какой религии — я не мог отгадать. Ни единой статуи или изображения, ни священников, одежда или движение которых могли бы рассеять мои сомнения или направить догадки. После минутного предварительного молчания несколько превосходных по правильности и звучности голосов начали петь гимн созданию. Исполнение мне показалось впервые достойным гения Гайдна, и я думал, что действительно внимаю хору ангелов. Следовательно, там должны были быть женские голоса? Без сомнения, — и это новшество, столь согласное с хорошим вкусом и разумом, доставило мне невыразимое удовольствие. «Так, — рассуждал я, — если насекомое своим жужжанием и птица своим щебетанием прославляют Всевышнего, то какая смешная и варварская несправедливость запрещать самой интересной половине рода человеческого петь ему хвалы!» Чудесные звуки этой

музыки, соединяясь с парами благовоний, горящих на алтаре, поднимались в огромную высь купола и, казалось, уносили с собой благочестивые мысли, порывы благодарности и любви, которые рвались к Божеству из всех сердец. Наконец песнопения прекратились — старец, украшенный неизвестными мне знаками отличия, поднялся на ступени алтаря и произнес следующие слова: «Граждане, вознося дань благодарности подателю всех благ, мы исполнили священный долг; но этот долг будет пустой формой, если мы не прославим Божество также и нашими делами. Только если мы будем жить согласно законам человечности и чувству сострадания к нашим несчастным братьям, которое сам Бог запечатлел в наших душах, мы сможем надеяться, ценой нескольких лет добродетели, достигнуть вечного блаженства». Сказав это, старец препоручил милосердию присутствующих нескольких бедняков, разорение которых произошло от несчастных обстоятельств и было ими совершенно незаслуженно. Всякий поторопился по возможности помочь — и через несколько минут я увидел сумму, которой было бы достаточно, чтобы десять семейств извлечь из нищеты. Я был потрясен всем тем, что видел, и по необъяснимой, но частой во сне непоследовательности забыл вдруг свое имя, свою страну и почувствовал себя иностранцем, впервые прибывшим в Петербург. Приблизясь к старцу, с которым я, несмотря на его высокий сан, заговорил беспрепятственно: «Сударь, — сказал я ему, — извините любопытство иностранца, который, не зная, должно ли верить глазам своим, осмеливается спросить у вас объяснения стольким чудесам. Разве ваши сограждане не принадлежат к греко-кафолическому вероисповеданию? Но величественное собрание, которого я только что был свидетелем, равно не похоже на обедню греческую и латинскую и даже не носит следов христианства».

— Откуда же вы явились? — ответил мне старец. — Или изучение истории до того поглотило вас, что прошедшее для вас воскресло, а настоящее исчезло из ваших глаз? Вот уже около трех веков, как среди нас установлена истинная религия, т. е. культ единого и всемогущего Бога, основанный на догме бессмертия души, страдания и наград после смерти и очищенный от всяких связей с человеческим и суеверий². Мы не обращаем наших молитв ни к пшеничному хлебу, ни к омеле с дуба, ни к святому миру — но к тому, кого величайший поэт одной нации, давней нашей учительницы, определил одним стихом: «Вечность имя ему и его создание — мир». Среди простого народа еще существуют старухи и ханжи,

которые жалеют о прежних обрядах. Ничего не может быть прекраснее, говорят они, как видеть архиерейскую службу и дюжину священников и дьяконов, обращенных в лакеев, которые заняты его облачением, коленопреклоняются и поминутно целуют его руку, пока он сидит, а все верующие стоят. Скажите, разве это не было настоящим идолопоклонством, менее пышным, чем у греков, но более нелепым, потому что священнослужители отождествлялись с идолом. Ныне у нас нет священников и тем менее — монахов. Всякий верховный чиновник по очереди несет обязанности, которые я исполнял сегодня. Выйдя из храма, я займусь правосудием. Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель Бога, источника порядка во вселенной? Ничего нет проще нашего культа. Вы не видите в нашем храме ни картин, ни статуй; мы не думаем, что материальное изображение божества оскорбительно, но оно просто смешно. Музыка единственное искусство, которое с правом допускается в наших храмах. Она — естественный язык между человеком и божеством, так как она заставляет предчувствовать то, чего ни одно наречие не может выразить и даже воображение не умеет создать. Мой долг призывает меня в другое место, — заметил старец, — если вы захотите сопровождать меня, я с удовольствием расскажу вам о переменах и реформах, происшедших в России за 300 лет, о которых вы, по-видимому, мало осведомлены.

Я с благодарностью принял его предложение — и мы вышли из храма.

Проходя по городу, я был поражен костюмами жителей. Они соединяли европейское изящество с азиатским величием, и при внимательном рассмотрении я узнал русский кафтан с некоторыми изменениями.

— Мне кажется, — сказал я своему руководителю, — что Петр Великий велел высшему классу Русского общества носить немецкое платье, — с каких пор вы его сняли?

— С тех пор, как мы стали нацией, — ответил он, — с тех пор, как, перестав быть рабами, мы более не носим ливреи господина. Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, нежели творческим. Заставляя варварский народ принять костюм и нравы иностранцев, он в короткое время дал ему видимость цивилизации. Но эта скороспелая цивилизация была так же далека от истинной, как эфемерное тепличное растение от древнего дуба, взрощенного воздухом, солнцем и долгими годами, как оплот против грозы и памятник вечности. Петр слишком был влюблен

в свою славу, чтобы быть всецело патриотом. Он при жизни хотел насладиться развитием, которое могло быть только плодом столетий. Только время создает великих людей во всех отраслях, которые определяют характер нации и намечают путь, которому она должна следовать. Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации³. Наши опыты в изящных искусствах, скопированные с произведений иностранцев, сохранили между ними и нами в течение двух веков ту разницу, которая отделяет человека от обезьяны. В особенности наши литературные труды несли уже печать упадка, еще не достигнув зрелости, и нашу литературу, как и наши учреждения, можно сравнить с плодом, зеленым с одной стороны и сгнившим с другой. К счастью, мы заметили наше заблуждение. Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасшую искру нашего народного гения. Стали вскрывать плодоносную и почти не тронутую жилу нашей древней народной словесности, и вскоре из нее вспыхнул поэтический огонь, который и теперь с таким блеском горит в наших эпопеях и трагедиях. Нравы, принимая черты все более и более характерные, отличающие свободные народы, породили у нас хорошую комедию, комедию самобытную. Наша печать не занимается более повторением и увеличением бесполезного количества этих переводов французских пьес, устаревших даже у того народа, для которого они были сочинены. Итак, только удаляясь от иностранцев, по примеру писателей всех стран, создавших у себя национальную литературу, мы смогли поравняться с ними, и, став их победителями оружием, мы сделали их союзниками по гению.

— Извините, если я перебею вас, сударь, но я не вижу той массы военных, для которых, говорили мне, ваш город служит главным центром.

— Тем не менее, — ответил он, — мы имеем больше солдат, чем когда-либо было в России, потому что их число достигает 50 миллионов человек.

— Как, армия в 50 миллионов человек! Вы шутите, сударь!

— Ничего нет правильнее этого, ибо природа и нация — одно и то же. Каждый гражданин делается героем, когда надо защищать землю, которая питает законы, его защищающие, детей, которых он воспитывает в духе свободы и чести, и отечество, сыном которого он гордится быть. Мы действительно не содержим больше этих бесчисленных толп бездельников и построенных в полки воров — этого бича не только для тех,

против кого их посылают, но и для народа, который их кормит, ибо если они не уничтожают поколения оружием, то они губят их в корне, распространяя заразные болезни. Они нам не нужны более. Леса, поддерживавшие деспотизм, рухнули вместе с ним. Любовь и доверие народа, а главное — законы, отнимающие у государя возможность злоупотреблять своею властью, образуют вокруг него более единодушную охрану, чем 60 тысяч штыков. Скажите, впрочем, имелись ли постоянные войска у древних республик, наиболее прославившихся своими военными подвигами, как Спарта, Афины, Рим? Служба, необходимая для внутреннего спокойствия страны, исполняется по очереди всеми гражданами, могущими носить оружие, на всем протяжении империи. Вы понимаете, что это изменение в военной системе произвело огромную перемену и в финансах. Три четверти наших доходов, поглощавшихся прежде исключительно содержанием армии, — которой это не мешало умирать с голоду, — употребляются теперь на увеличение общественного благосостояния, на поощрение земледелия, торговли, промышленности и на поддержание бедных, число которых под отеческим управлением России, благодаря небу, с каждым днем уменьшается.

В это время мы находились посреди Дворцовой площади. Старый флаг вился над черными от ветхости стенами дворца, но вместо двуглавого орла с молниями в когтях я увидел феникса, парящего в облаках и держащего в клюве венец из оливковых ветвей и бессмертника.

— Как видите, мы изменили герб империи, — сказал мне мой спутник. — Две головы орла, которые обозначали деспотизм и суеверие, были отрублены, и из пролившейся крови вышел феникс свободы и истинной веры.

Придя на набережную Невы, я увидел перед дворцом великолепный мост, наполовину мраморный, наполовину гранитный, который вел к превосходному зданию на другом берегу реки и на фасаде коего я прочел: *Святылище правосудия открыто для каждого гражданина, и во всякий час он может требовать защиты законов.*

— Это там, — сказал мне старец, — собирается верховный трибунал, состоящий из старейшин нации, членом которого я имею честь быть.

Я собирался перейти мост, как внезапно меня разбудили звуки рожка и барабана и вопли пьяного мужика, которого тащили в участок. Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...